

8. ЗА ГОРИЗОНТОМ КРИЗИСА

ЭПОХА НЕОЛИТА ЗАВЕРШАЕТСЯ. ЧТО ДАЛЬШЕ?

О совокупности симптомов кризисов разных эпох, различиях и сходстве глобализации времён мезолита и сегодняшнего дня, катастрофе переходного периода и структуре "кризиса вообще" беседуют физик, социолог, исследователь и теоретик фантастики и альтернативной истории, футуролог Сергей ПЕРЕСЛЕГИН и старший преподаватель кафедры системного программирования математико-механического факультета СПбГУ, член правления Санкт-Петербургского Союза учёных, ответственный секретарь журнала "Родник Знаний" Сергей ШИЛОВ.

Сергей ПЕРЕСЛЕГИН. В своё время врач Ганс Селье обратил внимание на то, что начальные симптомы разнообразных инфекций проявляются совершенно одинаково, и он ввёл понятие "болезнь вообще", синдром. В этом смысле можно говорить и о структуре "кризиса вообще". Почему это так важно для сегодняшнего дня? Дело в том, что сейчас всё отчётливее вырисовывается схема большого социального кризиса. И он попадает под общую схематизацию кризисов прошлых эпох, не зависящую от конкретного времени, конкретных технологий и конкретного этноса. Поэтому его можно довольно хорошо предсказать.

Например, мы много знаем о кризисе Высокого Средневековья XIV века: уже тогда была поголовная грамотность высших слоёв общества, велись архивы государств, были архивы Ватикана — этот кризис хорошо описан. Относительно широко документирован и Античный кризис VI–VIII веков нашей эры, когда рассыпались остатки зданий Римской империи на западе, да и на востоке они развалились, хотя и не с таким шумом и грохотом...

Сергей ШИЛОВ. Но если на западе распад сопровождался именно катастрофическими процессами, то на востоке движение всё-таки воспринималось в основном как эволюционное.

Сергей ПЕРЕСЛЕГИН. Восток на время "заморозил" катастрофу, но когда она всё же прорвалась, то оказалась мгновенной и страшной.

В более глубоком прошлом была катастрофа Бронзового века. За шаг до этого мы находим массу локальных катастроф: кризис Древнего царства Египта, 4-ю династию Ура... Но всё это довольно локально.

Опускаясь ещё дальше вниз, мы выходим на бесписьменное время. Можно предположить, что именно ситуация перехода от мезолита к неолиту и задала скрипт поведения, согласно которому любое серьёзное преобразование человечества в обязательном порядке протекает через катастрофический кризис. Причём у этого кризиса есть три возможных варианта разрешения.

Позитивный, когда разрешение идёт через технологический, политический, культурный, когнитивный или любой другой заметный рост — переход к следующей фазе развития, к следующей экономической формации, к следующей технологии, вернее, к новой группе технологий, технологическому пакету.

Второй вариант разрешения кризиса — это когда происходит откат далеко назад, а потом начинается тот же самый путь сначала, но в худших условиях.

И третий вариант, который всегда нужно иметь в виду: кризис может быть вообще не разрешён. По крайней мере, он может быть не разрешён массой этносов, в него вовлечённых. Потому что многие из не переживших кризис вряд ли будут в полном восторге, узнав, что если бы они прожили ещё 300–400 лет, то всё получилось бы очень даже неплохо, и, может быть, даже и к лучшему всё бы сложилось.

Наше желание разобраться в динамике кризисов показало, что начинать нужно с кризиса мезолита при переходе к неолиту. С точки зрения теории фаз, мезолит — это конец присваивающего хозяйства, соответственно, архаичная фаза развития, а неолит — традиционная фаза развития, производящее хозяйство. Поэтому теория фаз предсказывает острый, жёсткий кризис при переходе от первого ко второму.

Сергей, вы предложили некоторое обоснование кризисной модели мезолитического перехода. Расскажите об этом.

Сергей ШИЛОВ. Давайте попробуем разобраться, что такое мезолит в целом, поскольку многие историки вообще отрицают его как исторический период либо считают, что это не более чем часть верхнего палеолита, и тогда употребляют термин "эпипалеолит".

Существует несколько определений мезолита.

Первое — классическое определение, восходящее к XIX веку: мезолит — это период так называемых микролитических технологий или микролитических срезов. Когда от обработки довольно крупных фрагментов камня перешли к практически ювелирной обработке фрагментов длиной от 10 до 30 миллиметров и толщиной меньше миллиметра. При этом кроме кремния стал использоваться обсидиан и другие твёрдые минералы. А это, в свою очередь, привело к возможности создавать новые типы охотничьего оружия. Сначала было металлическое копьё с соответствующим наконечником. В рыболовстве появляется гарпун. Затем возникают лук и стрелы, рыболовный крючок. Несколько позже на Ближнем Востоке изобретается праща.

С этими историческими приобретениями связано второе определение мезолита: это эпоха дистантного оружия, когда для охоты не требовался непосредственный контакт вооружённого охотника с добычей, свойственный для палеолита. Это приводило к резкому снижению смертности на охоте и высокой эффективности самой охоты.

И здесь появляется третье определение, которое мы очень любим: мезолит — это стадия развития, когда у человека появилось свободное время.

Сергей ПЕРЕСЛЕГИН. Как при этом можно не выделять мезолит в отдельную эпоху?!. Понятно, что переход от контактного к дистанционному оружию — коренная революция в военном деле. И за всю последующую историю неолита, традиционной фазы развития, даже индустриальной, может быть, вплоть до ядерного оружия, ничего более революционного просто не было придумано.

С другой стороны, если рассматривать ситуацию с точки зрения производительных сил и производственных отношений, видно чёткое разграничение верхнего палеолита и мезолита. Во-первых, резко повысилась эффективность охоты, а во-вторых, из-за высвободившегося свободного времени появилось много всего другого, начиная от прибавочного продукта (по крайней мере, в теории), заканчивая возможностью создавать культуру.

Почему в таком случае приходится говорить о катастрофическом переходе от мезолита к неолиту, если в этот период всё выглядит так очаровательно?

Сергей ШИЛОВ. Любая система, имеющая начало, имеет и конец. Это фактически одна из основ теории систем. Катастрофа — это некий структурный переход внутри системы, когда меняются основные параметры её динамики. В обычной ситуации система находится в состоянии, близком к равновесию. И тогда действует принцип Ле Шателье — Брауна: при возникновении внешнего воздействия, направленного на отклонение системы от состояния равновесия, возникают силы, возвращающие её в это состояние равновесия. Но в состоянии структурного перехода это правило не действует, потому что размывается само представление о равновесии. В этот момент любой внешний толчок может перевести систему куда угодно.

Сергей ПЕРЕСЛЕГИН. Важным моментом в катастрофе является достаточно быстрое, неожиданное для тех, кто живёт в это время, сокращение как вариантов возможного развития (то есть качества) жизни, так и её уровня и смысла. Ситуацию можно считать катастрофической, если сильные изменения происходят за время жизни поколения. То есть вопрос не только в том, что система выходит из равновесия, но и в том, что в процессе выхода из равновесия она резко ухудшает своё функционирование.

Можно выразиться и так: система сталкивается с вызовом, на который она не может найти ответ и именно из-за этого начинает деградировать.

Для социальных катастроф характерно ухудшение жизни во всех отношениях. А если есть ещё и материальная культура, то за довольно короткий промежуток времени хорошо просматривается, в том числе археологически, примитивизация этой культуры.

На какой же вызов не смогли ответить мезолитические системы?

Сергей ШИЛОВ. Деградация экосистем наблюдалась практически весь период мезолита. Хронологически верхняя граница мезолита — это примерно 10–12 тысяч лет назад. Последняя ближневосточная мезолитическая культура — Натуфийская. Соответственно, первой неолитической культурой была даже не культура Чатал-Гююка (Чатал-Хююка), поскольку сейчас раскопаны более ранние культуры. И переход от одной к другой произошёл по историческим меркам очень быстро — за менее чем тысячу лет.

Сергей ПЕРЕСЛЕГИН. Это при том, что не доказано, что нет более раннего неолита и более позднего мезолита.

Сергей ШИЛОВ. Последние находки в Турции подтверждают гипотезу о том, что, скорее, более ранний неолит есть. Например, при Натуфийской культуре уже умели делать пиво — найдены каменные сосуды и примитивные, вырытые в земле ямы-зернохранилища. Хотя, судя по всему, целенаправленно возделывать злаки тогда ещё не умели, но при этом жили уже в достаточной степени оседло. Это территория современных Сирии, Иордании, Израиля, Ливана — так называемый район плодородного полумесяца.

Климат тогда был не в пример лучше. Натуфийская культура — это время "аллердэского интерстадиала", то есть тёплый период между двумя ледниковыми. Он существовал на протяжении примерно от 1,5 тысяч до 3,5 тысяч лет и поставлен в конец последнего четвертичного оледенения, который носит название "дриас".

Сразу после аллердэского интерстадиала случилось событие, которое получило название "поздний дриас". В течение короткого времени — порядка 100 лет — температура в Северном полушарии упала на несколько градусов, резко выросла аридизация, быстро сменились типы растительности. Так, влажные саванны в долине Иордана и на побережье Мёртвого моря стали сухими ксерофитными степями, а леса плодородного полумесяца — сухой саванной, леса остались только в горных долинах Ливана и Антиливана. Также произошло изменение гидрологического режима Тигра и Евфрата, что привело к заболачиванию дельты этих рек.

Сергей ПЕРЕСЛЕГИН. В нашей теории "кризиса вообще" этот момент является одним из основных. Кризис всегда включает в себя элементы похолодания, приводящего к повышению аридизации: чем ниже средняя температура воздуха, тем меньше испарения морей. Начало похолодания, момент перехода от очень тёплой к резко холодающей погоде может быть очень коротким — от 3 до 10 лет, и это период катастрофического переувлажнения. То есть сначала количество осадков резко растёт, потом резко падает, общие температуры снижаются, что для всех времён не являлось комфортным. Кстати, из всего сказанного можно сделать вывод, что мы уже сейчас живём в начале похолодания, а вовсе не в конце глобального потепления.

Сергей ШИЛОВ. Именно похолодание, приведшее к уменьшению производительных сил природы в районе плодородного полумесяца, подстегнуло неолитическую революцию. И к концу позднего дриаса появляются первые неолитические, хорошо защищённые поселения, которые легко оборонять, — Чатал-Хююк, Иерихон, Гёбекли-Тепе и другие.

Сергей ПЕРЕСЛЕГИН. В чём состоит этот переход с точки зрения социальных технологий? Палеолитические техники собирательства, развиваясь, дошли до своего предела — дистанционного оружия. Для существующих тогда социумов наблюдался довольно высокий уровень жизни, продолжительность которой тоже выросла. Но при этом стало крайне затруднительно изымать прибавочный продукт, и в результате общего похолодания и быстрого изменения климатической зональности, а также из-за использования против животных дистанционного оружия начала исчезать дичь: хищников стало много, соответственно, жертвы практически исчезли. Нависла угроза голода.

Мезолитические охотники считали, что они решат проблему, переключав в другое место. Но оказалось (и это опять связано с общей моделью кризиса), что мезолит в известной мере тоже был глобализацией. То есть мезолитические структуры охватили весь регион, где люди могли существовать, и за его пределы им было уже не прорваться. Наступило то, что Иван Антонович Ефремов в "Часе Быка" назвал "веком голода и убийства", — катастрофа, которую можно сравнить с более поздними — Бронзового века, Античной и даже со Средневековой XIV — начала XV века, когда уже при высочайшем уровне культуры хватило трёх голодных лет, чтобы люди вернулись к людоедству.

Поэтому для мезолитического охотника эпохи кризиса самой доступной дичью был другой мезолитический охотник. И это отвечает на вопрос, почему уже первые неолитические поселения, которые мы встречаем, оказываются укреплёнными.

Сергей ШИЛОВ. И заодно появляется очень интересное объяснение древнейших мифологических сюжетов, например, про Каина и Авеля, про Авраамова жертву, про войны богов с титанами, про Кроноса, пожирающего своих детей...

Сергей ПЕРЕСЛЕГИН. Всякий раз, касаясь классических сюжетов мифологии, мы, вероятно, имеем дело именно с моментами мезолитической катастрофы, с тем, что осталось в памяти уже давно ушедших из мезолита и даже из неолита культур о том страшно, что лежало в основе их формирования.

Сергей ШИЛОВ. Это сюжет изгнания из рая, где раем было сравнительно комфортное мезолитическое существование с большим количеством свободного времени, с появлением свободного искусства, серьёзных ритуалов, с весьма высокой культурой, сравнимой по уровню с культурой индейцев Хопи, Пуэбло, австралийских аборигенов, у которых даже была своя мифология...

Сергей ПЕРЕСЛЕГИН. Сегодня нам важно понять, чем ситуация нашего ближайшего будущего будет напоминать переход от мезолита к неолиту. Первое, что мы видим, это исчерпание возможностей дальнейшего развития в рамках данной фазы. Мы уже говорили о том, что кризис маркируется возникновением глобализации, — это один из моментов общей теории кризисов. Она, конечно, на каждом уровне развития разная, определяемая транспортной теоремой, то есть способностью общества удерживать под своим контролем некоторую территорию.

Глобализация в мезолите охватывала, вероятно, довольно небольшие пята территории. Глобализация Бронзового века распространялась на Восточное Средиземноморье. Античная глобализация — Средиземноморье в целом и кусочки Европы...

Сергей ШИЛОВ. Вплоть до Британии.

Сергей ПЕРЕСЛЕГИН. А сегодня в глобализацию вовлечена большая часть земных территорий, кроме Антарктиды, некоторых участков Африки и Азии. Следующая версия учтёт и эти территории, поскольку окончание кризиса всегда сопровождается выходом за пределы той глобализации, которая была до этого.

Сергей ШИЛОВ. Ойкумена всегда расширяется. Можно сказать, что "Одиссея" в мистическом, мифологическом

Кносский дворец на Крите (фрагмент колоннады), относится к Минойской цивилизации XIV века до н. э., к уровню домашнего уюта которой современные развитые страны приблизились лишь на рубеже XIX–XX веков

плане — это роман именно о расширяющей ойкумену, отражение того выхода из кризиса, которое, видимо, испытала греческая цивилизация после катастрофы Бронзового века.

Сергей ПЕРЕСЛЕГИН. Чтобы подвести некий итог сказанному, нужно сформулировать, какие маркеры указывают на катастрофу.

Сергей ШИЛОВ. Есть по крайней мере один из маркеров кризиса, о котором нужно говорить, — предельные технологии. С одной стороны, это базовая технология, без которой технологический пакет не может существовать. Например, технологический пакет "космонавтика" строится вокруг технологии создания мощных жидкостных реактивных двигателей. Нет двигателей — нет космонавтики, ведь ни на крыльях, ни даже на турбореактивных двигателях в космос не выйти.

С другой стороны, у любого технологического пакета всегда есть замыкающая технология, которая ограничивает его применение. Для современной космонавтики замыкающей технологией является технология системы жизнеобеспечения. Так, дальность полёта ограничивается наличным запасом кислорода. Замкнутость по воде в принципе может быть обеспечена, но как обеспечить замкнутость по кислороду, современная космонавтика пока не знает.

Если технологический пакет долгое время не сменяется новым, он начинает обрывать так называемыми предельными технологиями, которые приближаются к предельному коэффициенту полезного действия для данного технологического пакета. Обратите внимание на поздние паровозы, созданные уже в 40-х—50-х годах прошлого века. Насколько они красивы, как рационально используются в них каждый ватт мощности, как стараются максимально сократить сопротивление воздуха... На таком уровне технология фактически перестаёт отличаться от искусства, потому что очень многие вещи там уже нельзя просчитать, их можно только почувствовать.

Сергей ПЕРЕСЛЕГИН. Мне кажется, наилучшим примером этому будет чайный клипер XIX века...

Сергей ШИЛОВ. Конечно. Та неумолимая тяга к стимуланку, которая проявляется в современной фантастике, — это тяга к искусству. Технологии, описанные большинством авторов классического стимупанка, и есть предельные технологии. Это уникальные технологические объекты, которые сами по себе выдающиеся изобретения. Притом, как правило, не тиражируемые. Например, подводная лодка капитана Немо. Трудно представить себе, что подобный объект сойдёт со ступеля как стандартное судно...

В некотором смысле технологии мезолита как раз и являлись предельными технологиями палеолитической культуры. Наверняка, там были свои идеальные создатели наконецников для копий и стрел для луков...

Сергей ПЕРЕСЛЕГИН. Проще говоря (и это в общем — диагностический момент), если вы видите на определённой территории специализацию: область создаёт только что-то одно, — логично предположить, что одновременно здесь есть и глобализация. К примеру, вы отлично делаете лишь кремневые наконечники для копий, у вас их сколько угодно, но ведь вам ещё и пытаться надо, поэтому торговать с кем-то точно придётся.

И второй момент: если определённая технология дошла до того, что она стала немерено красивой, необычна, вызывает даже спустя столетия восхищение, можете быть уверены, что вы столкнулись с предельной технологией. А это также означает или конец технологического пакета, или технологического уклада, или, если особо не повезло, фазы развития.

В любом случае глобализация должна восприниматься как опасность, и появление соответствующих технологий говорит о том, что если сейчас не будут созданы новые пакеты, делающие все предыдущие невероятно устаревшими, то нас ждёт катастрофа с деградацией. И больше вариантов практически нет.

Сергей ШИЛОВ. Смотреть надо на архитектуру, потому что она хорошо сохраняется. Мы видим наборы предельных технологий: египетские пирамиды, римские акведуки, средневековые храмы и русские церкви.

Сергей ПЕРЕСЛЕГИН. А что сейчас?

Сергей ШИЛОВ. Небоскрёбы. Я говорю не о похожих друг на друга "башнях-близнецях", настроенных во всех странах мира, а о современных высотных доминантах, таких как Москва-Сити в Москве или Бурдж-Халифа в Дубае, или небоскрёбы в современном Китае — они индивидуальны, красивы и имеют внутреннюю логику. Вот она — предельная технология.

С другой стороны, предельные технологии — это и скоростные, по современным меркам, суда и самолёты. Здесь ситуация хуже. Сейчас предельные технологии остались только в военной авиации, а пассажирские сверхзвуковые самолёты (советский Ту-144 и англо-французский Concorde) — больше не эксплуатируются. Цивилизации уже не хватает ресурсов на то, чтобы поддерживать предельные технологии. То есть началась деградация.

Третий пример предельной технологии — это высадка на Луну. В этой области начался откат. Пока он идёт эволюционно, но имеет очень большой шанс смениться катастрофой.

Сергей ПЕРЕСЛЕГИН. В теории катастрофических периодов технологическая деградация идёт последним, шестым пунктом. Предыдущие пять — это глобализация, наличие резкой границы между "тучными" и "тощими" годами, смена климата, которая обычно сопровождается вулканическими явлениями, смена господствующего этноса, почти всегда — эпидемии. И только после этого, иногда с отставанием, происходит технологическая де-

градация. Например, римляне потеряли акведуки гораздо позже, чем потеряли империю...

Сегодня уже можно поставить галочки практически на все пункты, указывающие на приближающуюся катастрофу. Когда говорят: "Вот у нас скоро будет новое Средневековье", — почему-то всегда сначала рассматривают падение технологий. Нет, первым делом деградируют организационности, опускается уровень мышления, что, как правило, означает смену этноса...

Сергей ШИЛОВ. Также это может быть и сменой онтологии.

Сергей ПЕРЕСЛЕГИН. Да. Технологии как раз держатся до последнего, потому что они инерционные, и есть возможность их воспроизводить, пусть и очень локально.

Сергей ШИЛОВ. Перед технологиями начинают падать институты, после чего проявлять технологии становится некому.

Сергей ПЕРЕСЛЕГИН. Многое зависит от того, что лежит в запасниках. Наши АЭС построены с расчётом службы на 60 лет. Это означает, что они смогут довольно долго выдавать энергию, даже без смены активного вещества. Такие станции будут опасны, очень загрязнены, но проработают ещё много лет. А когда они всё-таки выйдут из строя, возводить новые будет некому. Это и есть технологическая часть катастрофы.

В прошлом даже мезолитическую охоту практически не удалось вернуть. Поэтому и возникла мысль о том, что можно жить и выживать по-другому. Сейчас мы говорим о величайшей человеческой революции, давшей людям сытую жизнь. А тогда перемены воспринимали как катастрофу. Охотникам, которые привыкли питаться мясом, приходилось в условиях, когда мельницы ещё не было и хлеб делать не умели, растирать зернотёркой зерно и месить из этого что-то вроде каши. В литературе поздней индустриальной фазы часто земледельцев называли "грязедами", и, с точки зрения неолитического охотника, они действительно ели грязь. Сперва всё это воспринималось как полная деградация и падение, а потом неожиданно оказалось, что из произошедшего возможно извлечь то, чего раньше не было. Люди перешли от отстреления "пищи" к её производству. И сразу же возникли новые структуры, организации, крупные поселения, такие как Иерихон, Чатал-Гуок.

Сергей ШИЛОВ. Кстати, к мезолитическому уровню потребления мяса европейское человечество вернулось только с появлением индустриального сельского хозяйства в конце XIX — начале XX века.

Сергей ПЕРЕСЛЕГИН. Так же и уровень домашнего уюта в виде ванны с ароматизаторами, горячей и холодной водой, которую Карфаген имел где-то в VI–V веке до н. э., а Крит — в XIV веке до н. э., мы получили на рубеже XIX–XX веков. Очень похоже на то, что каждая из фаз развития приходит примерно к одинаковому предельному уровню в треугольнике: уровень, смысл и качество жизни.

Суммируя сказанное, у меня появилась такая идея. Формально мезолит — это предел фазы развития, он всё ещё период охоты и собирательства, хотя уже с элементами понимания, где и что растёт и как использовать собранное, что можно хранить, а что нет, приручили собаку, и охота стала гораздо эффективнее... С этой точки зрения, время мезолита очень короткое, это просто предел предыдущей фазы. Если рассматривать ситуацию в таком ключе, может быть, и весь период индустриала на самом деле очень короткий и является просто завершением неолита? В этом плане мы всё ещё живём в эпоху сельского хозяйства, которое неолит и открыл. А всё то, что мы видим вокруг, — это отличная надстройка на этот неолит. Как и мезолит был отличной надстройкой на сделанные до этого технологии.

Сергей ШИЛОВ. Но надо двигаться дальше. Говоря, к примеру, о том, что для современной космонавтики замыкающей технологией является технология системы жизнеобеспечения, надо понимать, что пока мы её не создадим и не перейдём к полностью автономной биосфере, дальнейшего движения вперёд не будет...

Сергей ПЕРЕСЛЕГИН. А это требует выхода за пределы неолита. И вот тут-то и пойдёт то самое "копание в грязи", которое мы сейчас себе ещё не очень представляем. Но опыт показывает, что такая "грязь" — это некий фундамент, на котором создаётся совершенно другой уровень культуры. И чтобы выйти на ступень, условно, соответствующую великим соборам Средневековья, небоскрёбам, космонавтике и т.д., сперва нужно будет спуститься вниз, где какие-то вещи будут казаться "копанием в грязи".

Сергей ШИЛОВ. И человека создали из грязи, согласно большинству гипотез... Артур Кларк говорил о том, что любая продвинутая технология неотличима от магии. Предельные технологии неотличимы от искусства. Так не возникает ли новый тип технологий, доселе не рассматриваемый, — запретельный, транспредельный, который, собственно, мы и определяем как магию?

Сергей ПЕРЕСЛЕГИН. Да, вполне вероятно, что следующая стадия человечества (здесь я следую идее Кирилла Еськова) в некотором плане будет магической. Человек сможет войти в соприкосновение с этим миром и каким-то образом научиться его преобразовывать нерукотворно, своим мышлением, разными его проявлениями.

Так что ищите вокруг себя фантастику, магию. Глядяish, это продвинет нас в какой-нибудь новый неолит из того места, где мы сейчас находимся.

Газета "ЗАВТРА" зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-22122 от 24 октября 2005 года. Учредитель и издатель — ООО "Редакция газеты-еженедельника "Завтра" (119146, г.Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII).

Тел. редакции: (916) 502-49-86.

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII.

E-mail: zavtra@zavtra.ru Электронная версия: <http://zavtra.ru/>

Служба распространения: (499) 246-88-52 (т./ф.). Служба рекламы: (903) 131-53-97.

Отпечатано в АО "Красная Звезда" (125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, <http://www.redstarprint.ru>, e-mail: kr_zvezda@mail.ru).

Тираж 21 100

Заказ № 4280-2021

Дата выхода в свет — 30.06.2021 г. Подписано в печать 29.06.2021 г. в 15.00, по графику — в 15.00

Главный редактор
Александр ПРОХАНОВ